

несет больше пользы, чем лицо до него занимавшее тяжкий пост.

В рядах Донского Казачества за годы „гражданской“ войны не было выдающихся людей ни на военной службе, ни на гражданском поприще. Выстрел ген. Каледина не есть подвиг, он оборвал свою жизнь тогда, когда необходимо было его служение Казачеству. Еже-

дневное метание словес в толпу М. П. Богаевским, и только словес, не озарило ореолом его мученическую кончину и не сделало Донским героем...

И кто знает, что если бы не было на Дону „мироновщины“, если бы создатель мироновщины не покорила себя „под ножи врага и супостата“, возможны были бы другие события и в жизни Казачества...

Санжа Балыков.

Восточные соседи Казачества.

Киргиз-казаки.

в) Население, быт, занятия.

Главное и преобладающее занятие коренного населения края — киргиз-казаков — животноводство, из всех видов коих на первом месте стоит овцеводство, за ним скотоводство, коневодство и верблюдоводство. Лошадь — любимое животное киргиз-казака, как и всякого степняка. Значение коней в жизни киргиз-казаков также велико: лошадь единственное средство быстрого сообщения на громадном пространстве киргизской территории, не имеющей машинных путей сообщения; коневодство же дает главный вид национального напитка — чудного по вкусу и высокопитательного кумыса, который, при недостаточности хорошей питьевой воды и неравнообразности киргизского стола, имеет небезценное значение в народном здравии; помимо этого, конь — самый дорогой вид домашнего животного при продаже. Торговля лошадьми имеет национальное значение и размеры. Киргиз-казацкие кони расходились почти по всем уголкам Российской империи. Киргиз-казацкий конь издавна известен своей выдающейся выносливостью, неприхотливостью в корме, ровностью и значительной быстротой бега на большие расстояния.

Разведение крупного рогатого скота довольно значительно. Разведение верблюдов обуславливается их приспособленностью к нуждам при перекочевках, как сильное выносливое животное и их исключительной приспособленностью к местным условиям (как известно, верблюды едят всякую траву и при том очень мало, пьют всякую воду, могут недели и не пить). Их теплая шерсть тоже немало приносит пользы в киргизской семье. Рогатый скот разводят ради молока, кожи, мяса и торговли. Скот киргизский мал ростом и мало силен, нуждается в культуре. Верблюдов разводят двугорбых и одногорбых, первые сильнее и потому в предпочтении. Все эти животные круглый год находятся на подножном корму и, благодаря суровым зимам с бурями и гололедицами, они часто массами гибнут за зиму, что приносит значительный ущерб народному благосостоянию.

В сельском хозяйстве почти до последнего времени отсутствовали усовершенствованные орудия и машины. Пахота большей частью производилась сохой и лишь в последние годы вошел в применение букар; вместо бороны употреблялось срубленное с ветками дерезо.

г) Современное положение и существующие политические течения. Заключение.

По своему этническому составу, политико-экономическому характеру и географическому положению Казакстан безусловно должен бы войти в качестве автономной единицы в состав единого Туркестанского государства. Но, ввиду того, что образование такого единого, сильного государства (хотя бы во многом и зависящее от большевиков), угрожало бы в будущем невыгодными последствиями для централистической политики России, Советская власть, эта достойная продолжательница политики царского правительства в отношении инонациональностей, искусственно раскромсала этот единый географически-государственный комплекс, „размежевала“ единый Туркестан по некоторым племенным разновидностям, на шесть государственных формаций: На Узбекскую, Туркменскую, Таджикскую

советские республики, Киргизскую и Казакскую автономные республики и Кара-Калпакскую автономную область.

Из них, первые три образования непосредственно входят в состав СССР, Казакская и Киргизская авт. республики составляют часть РСФСР и, наконец, Кара-Калпакская авт. область входит в состав Казакской авт. республики — Казакстана.

В октябре прошлого года, во время празднования 10-летия Советского Казакстана, было выражено пожелание о выделении Кара-Калпакской автономной области в особую автономную республику. Большевики, конечно, ухватились за это и охотно выделили, но Кара-Калпакской республики не образовали, а включили ее в состав, так называемой, Советской Средней Азии. При чем любопытно заметить, что Казакстан в эту новую Средне-Азиатскую комбинацию не входит.

При едином Туркестанском государственном существовании все население его делилось бы на два заметных, национальных элемента, далеко неравных по численности: 1) Таджики, немногим больше полуллиона человек, представляющие собою народ Иранского происхождения, с языком схожим с персидским и 2) Турки, в лице: киргизов, узбеков, туркмен, кара-калпак.

Но в будущем, при более нормальном, а главное, при разумном, спокойном и самостоятельном разрешении киргизами своего национального государственного бытия, нет никакого сомнения, что Казакстан должен будет войти в состав единого Туркестана и, таким образом, очутившись в своей семье в качестве равноправного ее члена, выйдет на путь национального возрождения.

Для того, чтобы это утверждать, надо только проследить существующие общественно-политические течения среди народа вообще, а в особенности среди его, выражаясь языком евразийцев, „ведущего слоя“.

С первых же дней Февральской революции национальные течения среди киргиз-казаков вылились в определенные формы.*)

Разрешение своего национального вопроса они мыслили в форме автономии, но, при этом, немедленно обнаружили два разветвления в понимании практического разрешения вопроса. Одни думали об автономии совместно с Туркестаном, другие же об автономии отдельной, самостоятельной. Симпатии народной массы, поскольку они проявлялись в речах делегатов, были в пользу объединения с Туркестаном, к которому она тяготела в силу этнического единства. Были еще (только среди интеллигенции) сторонники объединения киргиз-казаков с Сибирью, на основе Сибирского областничества. Но течение это, видимо, не получило большого развития, хотя оно возглавлялось некоторыми весьма авторитетными представителями интеллигенции, как например, Али-Хан, Букей-Хан.

В конце 1917 года, в самом начале захвата большевиками власти, Туркестан был провозглашен автономным. Туркмены, узбеки, киргизы, в лице своих представителей приняли участие в организации автономного строя. Киргиз-казаки Тургайской и Уральской области выражали твердое желание войти в состав Автономного Туркестана и только угроза административного от-

*) Многими сведениями в этой части любезно поделился один из лидеров Туркестанского национального движения г. Мустафа Чокаев, за что автор приносит ему глубокую благодарность.

рыва их от киргиз-казаков Семипалатинского и Акмолинского районов, которые еще продолжали стоять на платформе отдельной автономии в пределах прежнего Степного генерал-губернаторства, не дала возможности осуществления этих, естественных стремлений народной массы. Но идея объединения с Туркестаном быстро шагала вперед и было только вопросом времени окончательное ее торжество.

На Всеказацком съезде, в декабре 1918 года в Оренбурге, на котором был поднят вопрос об автономии Казахских областей, указанные два течения опять встретились и готовы были расколоть народный организм на две части, но избежание чего, стороны пришли к соглашению и Казахские области были провозглашены автономной частью России и „впредь до образования общероссийской, демократической республиканской власти“, Автономный Алаш (так назывался тогда Казакстан) должен был управляться самостоятельно.

Советскую власть киргизы, как власть центральную, постольку, поскольку она будет признавать автономные права их, признали. Само собой разумеется заманчивый лозунг: „Самоопределение национальностей“ сыграл и здесь свою роль. Впоследствии, когда большевики проявили свою настоящую натуру, киргизы вступили с ними в борьбу, но эта борьба суживалась в своих рамках отношением „белых“. Так например, когда образовался Прав-во Вологодского, глава Автономного Алаша обратился к последнему с просьбой помочь киргизам вооружением и инструкторами для организации частей, но командующий Сибирской армией, генерал П. П. Иванов (впоследствии ставший Ивановым-Риновым, бывший участковый пристав) на это обращение наложил следующую резолюцию: „Россия в своей борьбе за освобождение от большевиков в помощи инородцев не нуждается“. Резолюция эта была одобрена „демократическим“ Сибирским правительством. Такое отношение, ясно, не могло способствовать увеличению среди киргизов порыва к борьбе с большевиками. Этот грубый и гордый жест, конечно, диктовался не действительной ненадобностью „помощи инородцев“, а боязнью — как бы не помочь киргиз-казакам организовать свою армию, с которой потом придется или считаться или „возиться“. (По данным профессора Валидова, подобные же препятствия чинились также в деле формирования башкирских частей и когда они, при поддержке чешского командования, все же были сформированы и с честью дрались с большевиками, русское командование в конце концов позаботилось их обезоружить и расформировать. До этого точно также поступили и большевики с башкирскими частями, признавшими сов. власть. И белые и красные централисты одинаково работали в отношении инородцев. Осетинская пословица: „Белая собака, черная собака — все равно собака“ — очень меткая пословица).

Это предположение подкрепляется тем фактом, что первым актом Уфимской Директории немедленно по своем формировании была ликвидация правительства Алаша — „Алаш-Орды“. (Этот акт был аналогичен повешению Кулабухова, аресту и высылке кубанских самостийников — членов Рады на Кубани. И результат, как там, так и здесь был почти одинаков: кубанцы бросили фронт и перестали драться с большевиками, а киргиз-казаки стали переходить на сторону большевиков).

Но и у большевиков, конечно, не удалось найти права и справедливости и тут киргиз-казаки должны были вступить в тяжкую внутреннюю борьбу за свое существование. Вот тут, когда в процессе поисков выхода выявилось действительное стремление киргиз-казаков войти в состав единого Туркестана, большевики изобрели „требования народных масс“ и провели „межнациональное размежевание“, „доказав“ отсутствие экономической связи Казакстана с Туркестаном, что однако не помешало им возить казакский хлеб в Туркестан, чтобы здесь, за счет хлебных площадей, была увеличена площадь хлопкосеяния.

Как и всегда в таких случаях, большевики нашли и выдвинули из среды самого народа новых советских интеллигентов и их руками стали проводить свои „реформы“. (Калмыки должны вспомнить роль некоторых

наших интеллигентов в переселении донских калмыков в 1923 г.). Но даже из среды этой, выдвинутой киргизами, интеллигенции стали раздаваться голоса протеста против полного разрыва Казакстана с Туркестаном и все большего и большего прибирания его в руки Москвы, в результате чего многие из этих деятелей оказались „не на высоте марксистских требований“, с „уклонами“ и „контр-революционерами“ со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Как отклик на стремления тюркских племен к объединению, стоит привести выдержку из книги Муравьевской (Очерки по истории революционного движения Ср. Азии): „Организация местной массы пошла по нездоровому, чреватому большими последствиями пути использования национальной интеллигенцией Советской власти для национального самоопределения. Очень скоро эти „национальные стремления“ превратились в пантюркизм, в стремление создать из угнетенных народов востока единую нацию — тюрков. Таким образом, подлинное стремление к самоопределению национальностей, киргиз, узбеков, туркмен и т. д. было подменено общим лозунгом „объединения их в единую нацию — тюрков“.

Таким образом, с одной стороны все здравомыслящие элементы указанных племен стремятся к объединению, видя в этом верный путь к спасению, а с другой стороны, Россия, хотя и Советская, находит такое объединение „нездоровым“, „чреватыми“ дурными последствиями.

В порядке этого „строительства“ Киргиз-казаки разделились между двумя автономными республиками: Туркестаном и Казакстаном. В 1924 году по „межнациональному размежеванию“ эти части были объединены в Автономную Казахскую республику — Казакстан.

Но борьба в результате этих двух противоположных требований (интересы России и тюркских народов) и есть миру незаметная борьба в виде всяких „басмаческих“ и иных волнений. Например, только в марте 1930 года было серьезное восстание в Казахских степях, которое беспощадно, кроваво было подавлено отрядами ГПУ и сведения о котором не проникли в Европейскую печать, так как в самой России об этом не обмолвились. (Из лекций д-ра Шрома в школе политических наук в Праге, который в том году вернулся из России, после четырехлетнего пребывания там).

Нажимают на центральную власть и киргизские большевики. Так например, видный казакский большевик Садвакас-Оглы открыто обвиняет власть в колонизаторских стремлениях в Казакстане. В общем требования киргизских большевиков сводятся к следующему: 1) Прекращение притока русских переселенцев в Казакстан, 2) если это невозможно, то приостановить волну переселения хоть на время, пока сами киргиз-казаки не перейдут окончательно на оседлость, 3) создание крупных промышленных центров в Казакстане, например, текстильных фабрик и 4) применения к казакам-скотоводам иных способов раскулачивания, чем это практикуется в России в отношении „оседлых кулаков“, ибо за отнятием скота у „кулаков кочевников“, не имеющих ни обрабатываемой земли, ни навыка к земледельческому труду, им грозит гибель.

Само собою разумеется, что и эти требования для Советской власти — контр-революция, буржуазные уклоны, с которой нужно бороться „всей мощью советского аппарата“. В конце 1930 года большевики провели среди киргизской интеллигенции многочисленные аресты. Но ряды этих „контр-революционных большевиков“ растут. В последние месяцы аресты и ссылки производятся еще шире. Обыкновенно к арестованным предъявляют общее обвинение: „в создании контр-революционной организации, поставившей себе задачей оторвание Казакстана от Советского Союза и создание из него самостоятельного, национального, буржуазного государства“.

Национальные организации Туркестана, как здесь, заграничей, так и там, на местах, действительно стремятся к созданию одного Туркестанского государства из вышеупомянутых 6 государственных образований.

Таким образом, киргизы стремятся к национальной независимости и к образованию с остальными Туркестаном самостоятельного государства.

И так, суммируя все сказанное о современном, подсоветском положении киргизского народа, приходится констатировать, что оно пока еще печальное.

Помимо политических тисков и экономических разорений, большевики не оставили без внимания и самую душу народа. Руссификаторская политика царской России, по своей грубой прямоте была менее опасной, так как была очевидной всей народной массе, которая стойко сопротивлялась против чуждых влияний, чем умелая политика большевиков, которые ту же политику проводят собственными руками самих представителей киргизского народа, разделив его на бедных и богатых и восстановив их друг против друга, как классовых врагов. Тут же рушатся старые традиции, нравы и обычаи, старый быт и бывшие общественные взаимоотношения. Всякие специальные школы (Институты народов востока) подбирают, обучают и выпускают в свет верных проводников советских мероприятий. Теперь, сплошь и рядом, в советских источниках встречаются женщины киргизки в ролях председателей исполн. комитетов, есть женщины коммунистки.

Темп руссификации всеми этими новшествами ускоряется, подтачивание национальных особенностей усиливается. Но, „нет худа без добра“. Действие встречает противодействие. В противовес большевицким действиям встает пробуждающееся национальное самосознание и самолюбие угнетенных народов Средней Азии. „Турк-

сиб“ облегчает Советской власти переброску отрядов ГПУ в нужные районы и помогает высасыванию в центр местных соков, но он, в то же время, оживляет край, укрепляет связь между разными племенами турков, облегчая сообщение между отдаленными пунктами. Большевики уйдут, а дорога, прорезывающая Среднюю Азию из конца в конец, останется. Казакстан, хотя и созданная большевиками в демагогических целях, киргизским народом воспринимается как своя национальная республика, в которой они начинают чувствовать себя хозяевами, а не „временными арендаторами“ на земле Русского царя. Так бывает иногда в истории народов: действия, направленные к денационализации и к еще большему закабалению, того или иного народа, лучше и больше всего способствуют пробуждению и возрождению его. В этом — ирония судьбы, ибо „ткань истории узорчата и фантазии ее не знают пределов“...

Если Туркестанское освободительное движение, базируясь на единстве задач (национальное освобождение) и на единстве препятствий (отсутствие у русских доброй воли к уважению национальных прав инородцев), задалось бы целью координирования сил и средств с другими народами, имеющими подобные же устремления (напр. и с Казачеством), то это только облегчило бы общую задачу, усилило бы общий фронт и значительно приблизило бы цель.

Atel.

Ю. Ф. Гончаров, как поэт.

(К двухлетней годовщине его смерти).

„Работников на еще целинном поле казачьей литературы... уже много; каждый из них проводит хоть одну бороздку, бросает хоть одно зерно, кладет хоть один камень в фундамент строящегося дома родной литературы. Само собою разумеется, что среди теперешних работников много случайных, недолговечных элементов, так сказать, поденщиков литературы, но надо быть уверенным, что время выветрит, очистит и, воздав каждому должное, оставит в стенах казачьего литературного дома истинных мастеров“... („В. К.“ 1930. № 70. Стр. 21).

К этим последним нужно отнести недавно умершего (1929) поэта Юрия Федоровича Гончарова.

Первое стихотворение „Книги стихов“ Ю. Гончарова — о „золотом волшебном кубке“, где „горит хрустальный иней беззаботного веселья“ (стр. 11), позволяло бы ожидать, что и дальнейшие песни поэта будут такими-же радостными, что все его творчество будет золотым веселокопящим кубком.

Но уже ближайшие стихотворения колеблют эти ожидания. Еще несколько страниц — и мы совсем от них отказываемся.

Да, в поэзии Гончарова мало обещанного им веселья. Вообще немного у него светлых песен.

Счастливыми исключениями кажутся в сборнике такие стихотворения, как первое или как „Синий щит“ с его радостной стремительностью (стр. 14):

Смелый призыв к древней воле —
Три сверкающих луча!
В черно-синем узком поле —
Три скрещенных пернача!..

Даже те некоторые стихотворения Гончарова, где просыпаны крупницы радостного, часто кажутся более хмурыми, чем светлыми, более холодными, чем теплыми.

Снег рассыпан сетью тонкой,
Да в следах под хрусткой коркой,
Затаясь, вода лежит.
Ночь темна, да яркий свет
Огонек во мгле —

говорит поэт о ночной дороге (стр. 12), но почему-то, уходя от этого стихотворения, больше помнишь следующие его строки:

Ночь глуха и небо черно.
Голый лес гудит покорно.
Только ветер мчит проворно —
По сухим кустам шуршит —
Ветер чашу сторожит.

Поэт видит „весенние дымы“ (стр. 41), но „за пряжею“ зимних „мятежей“:

Смотри вперед: за пряжею мятежей
Весенние дымы взметнулись к небесам!
Иные голоса в подлуньи прогремели!
Велели людям жить — и зеленеть лесам...

В этом весеннем стихотворении зимы столько-же, сколько весны, если не больше:

И ты, и я, — мы хрусткие снежинки.
За крыльями зимы промчались туда,
Где ночи — как хрусталь, и дни — как пламень
жидкий,

Где в снежной синеве зыбятся окода...
Мы видели во льдах узорные окошки
В глубины капищ северных богов!
Мы взлетали все завьюженные стежки,
Овеянные сном и песнями снегов.

Не меньше места отводит поэт зиме и в прощании с весной (стр. 50). Заревое, весеннее:

Что мне споют весной зареявшие звуки?
Чей затаю, как снег, сверкнувший взгляд?..
И целовать кому трепещущие руки
Я буду на заре у каменных оград?..

заслоняется мертвенным, зимним:

Я ухожу. Пока. В морозные пещеры.
Послав прощальный знак верхушкам синих гор.
Застыть в метельной мгле, в лохмотьях
снежно-белых,

Раскинув по снегам остекляевший взор.

И, омертвев в жилье холодных ураганов,
Задумаюсь о днях, летящих в смене лет...

Проводивши весну, поэт не принимает лета, — пройдя мимо тепла, солнца, уходит в зимние „морозные пещеры“. Весенний взгляд женщины сверкнет ему льдистостью снега („чей затаю, как снег, сверкнувший взгляд?“) Характерно это пристрастие поэта к зиме, к ее холоду, снегу.

Радость встречи с любимой как-то невольно ушибляется бледным солнцем, „чертой садов угрюмых“,